

РЕЦЕНЗИЯ

**Валерий Федоров. РУССКИЙ ВЫБОР. Введение в теорию
электорального поведения россиян. Москва. : Праксис. 2010 - 364 с.**

Электоральное поведение - сравнительно новый социально-политический феномен для России. В строгом смысле слова речь идет именно о политическом выборе, то есть о действии, которое, имея индивидуальный характер, результируется в массовое поведение, определяющее судьбы страны. А если учитывать масштабы и военно-стратегическую значимость России - то нередко и судьбы мира.

Если вести отсчет от выборов в состав Съезда народных депутатов СССР 1989 г., то мы можем говорить о всего лишь двадцатилетней истории этого феномена. Это обстоятельство заставляет сразу же поставить такой вопрос: достаточно ли двух десятилетий (что составляет всего лишь один поколенческий шаг в истории общества) для того, чтобы строить теорию и делать фундаментальные выводы о типе и характере электорального поведения россиян? Похоже, сам автор, работая над книгой, перед собой этот вопрос вполне осознанно поставил. И ответил на него тем, что определил жанр книги как всего лишь «введение» в теорию. И это скромное самоограничение уже можно отнести к достоинствам книги.

Но «вводить» в теорию определенного предметного поля можно по-разному. Возможен вариант, при котором акцент делается на изложении методологических принципов той аналитики, которая должна привести к синтетически целостной теории изучаемого объекта. Иногда введением может стать скрупулезный обзор и разбор всей той научной литературы, которая уже имеется по изучаемому объекту.

Но автор избирает иной способ введения в теорию изучаемого объекта. Он сначала рассматривает некие «основы» (будущей?) «теории электорального поведения», а затем исследует результаты приложения этих «основ» к российской электорально-политической практике последнего двадцатилетия. Тем самым он все-таки строит определенную «теорию», но таким образом, что как бы приглашает читателя к критическому соучастию в обсуждении ее понятийно-категориальной структуры. А так же - к прямой полемике с его интерпретациями, оценками и прогнозами относительно российского электорально-политического процесса.

Такая исследовательская стратегия кажется вполне оправданной хотя бы потому, что значительно расширяет круг потенциальных читателей. Не теряя научности, книга окажется интересной для всякого, кто еще не отчаялся в попытках понять Россию умом.

Основоположной гипотезой для будущей теории электорального поведения россиян является утверждение автора, согласно которому «изменения в электоральном поведении российских избирателей нужно рассматривать не только в связи с изменениями в социально-экономической структуре общества, но и в связи со сменой социокультурной парадигмы

развития страны» (с.11). Это - сознательное дистанцирование от методологии жесткого социоэкономического детерминизма (в истоке - марксистского) в пользу признания решающей значимости в человеческом поведении культурных архетипов в их юнговском понимании.

Разумеется, влияние социально-экономической структуры на электоральное поведение автором не отрицается. Более того - признается как значимый объяснительный фактор. Но решающим фактором все-таки оказывается то, что автор именуется «социокультурной парадигмой» в ее инкарнации в виде специфической российской политической культуры.

Гипотеза конкретизируется в книге следующим образом. Автор выявляет две альтернативные социокультурные парадигмы или «модели»: - советскую, архетипически восходящую к культурной модели Российской империи и модель, характерную для 90-х годов прошлого века, которая описывается как «вполне анархическая вольница» (с.14). Собственно историческая эволюция за последние двадцать лет и описывается им как цикл, включающий фазу отхода от советской модели в сторону «российского гуляй-поля» и последующего возврата к, по сути, той же - «державнической, государственнической культурной модели» с начала нового тысячелетия.

Существенно то, что за этот период произошли существенные изменения в социально-экономической структуре России, появились новые социальные группы. Сама эта структура приняла грушевидную форму за счет заметно потяжелевшего «низа», куда опустились 51% тех, кто причисляет себя к получающим доходы ниже среднего, бедным и просто нищим. При этом обнаружилось, что 42% относят себя к группе со средними доходами. Но все равно общий итог социально-экономических сдвигов, пережитых населением в 90-е годы, ведет, по мнению автора, к заметному «полевению».

Этому процессу, казалось бы, должно соответствовать и изменение электорального поведения россиян в пользу КПРФ и других левых партий. То есть это поведение должно бы принять отчетливо протестную форму. Но на самом деле мы имеем феномен невероятно высокого провластного голосования во всех избирательных кампаниях за последние 10 лет. Подавляющее большинство электората голосует за Путина и «Единую Россию», которые воспринимаются как альтернатива либерально-антигосударственной «вольнице» и как воплощение державнической политической культуры.

Эта особенность российского политического процесса дает основание автору ввести основные определения для электорального поведения россиян, соотносимые с первым и вторым десятилетиями новой России. Для 90-х годов характерна импортированная, англосаксонская «конкурентная модель», а для нулевых - «современная модель плебисцитарной демократии» (с.78).

В переходе от конкурентного голосования к плебисцитарному принципу автор видит рецидив советской модели «электорального поведения». Как и при господстве КПСС, избиратель участвует в выборах не

для того, чтобы в точном смысле слова «выбирать», а для подтверждения своей лояльности действующей власти. Но есть и существенная разница. Советская поведенческая модель была партийно-идеологической, а нынешняя «ориентирована на фигуру политика - национального лидера» (там же).

В этом месте усматривается несколько проблем. Во-первых, насколько уникально-русским является этот тип политической культуры и, следовательно, тип электорального поведения? И, во-вторых - является ли повышенная персонификация власти временной мутацией или же это константа исконно русской политической культуры?

Относительно первой проблемы автор высказывается достаточно определенно. Он пишет: «Типологически мы были и остаемся совершенно особым, непохожим на Запад обществом, которое развивается собственным путем» (с.84). Следовательно и плебисцитарно-демократическая модель электорального поведения должна быть уникально нашей?

Но ведь известно, что сам феномен «плебисцитарной вождистской демократии» открыл и описал Макс Вебер еще во времена ранней Веймарской республики как ее неизбежное будущее. И тогда встает вопрос: этот параллелизм есть следствие изоморфизма социально-экономических контекстов Веймарской Германии и постсоветской России? Если да (как полагает ряд исследователей, среди которых наиболее цельно и последовательно эту позицию развивает А.Л.Янов) - то тогда оказывается опровергнутым исходный авторский постулат о примате культурной архетипики над социально-экономической детерминантой при построении теории, объясняющей электоральное поведение. Если же нет, то каким образом можно объяснить такое совпадение даже на терминологическом уровне?

О второй проблеме автор высказывается более определенно. Он полагает, что избыточный «персонализм» в электоральном поведении россиян не является культурно-архетипической константой. В связи с этим он не исключает «возрождение в новых формах по-настоящему правящей партии как формы организации правящей элиты и обеспечения процесса трансляции власти во времени от одних ее представителей к другим» (с.85). Такой прогноз строится на допущении, что «нынешняя повышенная персонификация политической власти в России, возможно, преходящее явление, связанное с молодостью и слабостью постсоветских партий на фоне силы и опыта политических лидеров» (там же).

Однако, даже высказанный в такой осторожной форме тезис автора будет поддержан далеко не всеми исследователями феномена русской политической культуры. Например, имеется и такой взгляд, согласно которому «персоналистичность» должна быть отнесена именно к «архетипическим, неотменяемым свойствам русской политической культуры», которая «наделяет российскую политическую практику как минимум тремя яркими особенностями.

Во-первых, это стремление к политической целостности через централизацию властных функций. Во-вторых, идеализация целей политической борьбы. В-третьих, персонификация политических институтов»¹.

Однако книга Валерия Федорова остро полемична не только в строго академическом плане. Дело в том, что, выдвигая основоположения будущей теории электорального поведения россиян, автор одновременно и опирается на текущую практику, но и использует их для объяснения наиболее парадоксальных и провокативных сюжетов этой практики.

Особенно ярко эта метода автора проявляется в его подходе к одной из самых острых политических проблем - проблеме фальсификации итогов голосования. Собственно говоря, это даже не проблема, а, как подчеркивает автор, некий «черный миф», превратившийся в общественный консенсус, изначально дискредитирующий саму идею выборов. А между тем из авторского тезиса о доминировании плебисцитарной модели электорального поведения следует, что «отпала необходимость в таком инструменте политических манипуляций, как фальсификация результатов выборов» (с.59).

Суть дела проста. Если подавляющее большинство населения захвачено архетипом державнической политической культуры, то в электоральном поведении большинства автоматически срабатывает установка на лояльность власти, соответствующей этому архетипу. Путин и «Единая Россия» являются эталоном такого соответствия. Поэтому им нет необходимости прибегать к фальсификациям: исход выборов predetermined заранее.

Косвенным доказательством этого вывода является, подчеркивает автор, удивительное пренебрежение со стороны политической оппозиции таким мощным инструментом контроля итогов выборов как предварительные опросы и exit poll. «Причина последовательного нежелания оппозиции работать с социологическими данными, - объясняет автор, - в четком понимании, что ни один опрос настроений избирателей не даст его заказчикам цифр, резко отличающихся от официальных результатов голосования» (с. 106).

Таким образом, вопреки консенсусу мы должны сделать вывод о том, что «миф о массовых фальсификациях как основном инструменте захвата и сохранения власти в 2000-е годы совершенно неактуален» (с.108-109). Но трагический парадокс заключается в том, что изобретенный и распространяемый в основном оппозиционными идеологами и политиками, этот миф работает против них самих! Ибо именно благодаря этому мифу электоральное большинство, разочаровываясь в самой процедуре выборов, еще более коснеет в своей приверженности плебисцитарной модели электорального поведения.

¹ Сурков В.Ю. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. // Владислав Сурков. Тексты 97 - 07. М. : «Европа». 2008, с. 10-11.

Раздел, в котором автор рассматривает «основы» теории электорального поведения, завершается обращением к зарубежным теоретическим изысканиям по теме. Здесь автор работает в жанре обзора в основном потому, что не видит возможностей приложения ни одной из них к российской электоральной практике. Что закономерно при признании нашей фундаментальной специфики.

Однако одну из теорий, а именно теорию политического лидерства Ж.Блонделя, он все-таки применяет. И, используя его аналитическую матрицу, выстраивает типологические характеристики Б.Ельцина, В.Путина и Д.Медведева в разные периоды их президентства (см. с.148). Любопытная закономерность, выведенная Валерием Федоровым заключается в том, что все трое, будучи совершенно разными, вынуждены начинать свою президентскую карьеру как «патерналисты-популисты»! Здесь видится строгая приверженность автора первоначально выдвинутой гипотезе и логике всего исследования. Действительно, если доминирующей политической культурой у нас является культура державническо-государственническая, то и ожидаемый тип лидерства, соответствующий массовому типу электорального поведения должен быть именно таким.

Второй раздел книги, в котором автор показывает «практические приложения теории», а точнее - ее «оснований», представляет не меньший интерес. И тут каждая из глав заслуживает едва ли не самостоятельной рецензии. Ну, в самом деле, разве можно удовлетвориться скороговоркой, обсуждая такие темы как «Историческая эволюция электорального поведения россиян», «2008-2010: старт новой политической эпохи?», «Геополитический аспект российских трансформаций» и «Электоральное поведение и информационная политика»?

По существу автор намечает здесь самостоятельные разделы будущей электоральной теории, требующие отдельного монографического исследования. В ожидании этих будущих монографий, специально остановлюсь лишь на «Заключении», которое посвящено самой острой и злободневной теме - перспективам медведевского курса на модернизацию России.

Здесь сразу бросается в глаза готовность автора не уходить в удаленный от реальности «академизм», а работать буквально на «передней линии» политического анализа. В частности, прежде чем строить сценарии будущего, Валерий Федоров закладывает фундамент в виде методологически обоснованной оценки путинского президентства. Объясняя взаимодействие лидера и массового электората в период 2000-2008 годов, он пишет: «Перед Путиным стоял выбор: пойти наперекор мнению большинства, которому он был обязан властью, и начать новый этап социальных и экономических реформ, либо опереться на большинство для того, чтобы восстановить легитимность власти в стране, отрегулировать политическую систему и, в конечном счете, возможно, накопить потенциал для модернизационного рывка (завтра, но не сегодня!). Путин под аплодисменты всего российского общества сделал свой выбор в пользу второго варианта» (с. 342-343).

Именно поэтому при Путине автор обнаруживает значительно больше демократии, нежели при Ельцине, который после 1993 года уже никогда не имел массовой поддержки. Правда это - специфическая, а именно «прямая, непосредственная» или «плебисцитарно-вождистская» демократия, которая «в полном смысле слова может быть названа теледемократией» (с. 344). Уже эти характеристики дают читателю понять, что он имеет дело с серьезным критически исследованием российских реалий. И если авторские оценки диаметрально расходятся с таковыми у «записных» критиков режима, то в авторе говорит отнюдь не «апологет», а ученый, неукоснительно следующий своим методологическим принципам и предпосылкам.

В том, что это так, читатель немедленно убеждается, продолжая читать «Заключение» и обнаруживая целый букет «пороков» сложившейся в эпоху путинского президентства политико-управленческой системы. Тут и парадокс губернаторов, состоящий в том, что чем они лояльней, тем менее управленчески эффективны. Тут и дефицит «обратной связи» в управленческой пирамиде. И перегрузка управленческого «верха», вынужденного принимать все решения, что в итоге ведет к «застойным явлениям» И затухание командного сигнала на нижних этажах пирамиды, что приводит к необходимости «ручного управления». И опять же парадоксальная ситуация, когда верх в состоянии контролировать лишь сам себя.

Общий же итог путинской «демократии» таков: «Парадокс состоит в том, что стремление повысить управляемость Россией административными методами в конечном счете снижает эту управляемость» (с. 347). Хотя на самом деле ничего парадоксального здесь нет. Ибо если верна логика книги, утверждающая, что Путин не создавал эту систему, а лишь реализовал запрос огромного электорального большинства на государственно-патерналистской властной конструкции, то мы все получили именно то, что хотели. Или по-черномырдински: хотели как лучше, а получилось как всегда.

И вот сегодня президент Медведев находится в положении «витязя на распутье». Перед ним три варианта политической стратегии:

- «мобилизационный» или «авторитарная модернизация социально-экономической системы страны вопреки массовому общественному запросу на стабильность, выжидание и ничегонеделание»;
- «инерционный» или «консервация нынешней популистско-патерналистской политической модели»;
- «реформистский» - «частичная либерализация» с дальнейшей опорой на социально-активное меньшинство «в целях модернизации экономики и социальной сферы страны» (с.348).

Первоначально обозначив эти «альтернативы» как равно возможные, автор все же вынужден признать, что реформистская или собственно модернизационная стратегия с опорой на социально-активное меньшинство наиболее трудноосуществима. Сохранить политическую поддержку

патерналистского большинства - задача действительно очень непростая. Ведь модернизация экономики требует колоссальных инвестиций, которые можно найти лишь за счет сокращения социальных обязательств государства. И если не идти по пути «авторитарной модернизации», то есть не блокировать волю большинства посредством манипуляций с выборами, то свое веское слово скажут патерналистско-державнические установки электорального большинства.

Автор предвидит некий «переходный период» (10-15 лет), в течение которого можно будет решить эту задачу, что сродни «квадратуре круга». Но в чем заключается решение, он не указывает. Что, впрочем, и не входит в его обязанности. Он добросовестно прошел свой путь исследователя, выявив фундаментальные инварианты электорального поведения большинства из нас. Он, несомненно, заложил некоторые основы будущей теории электорального поведения россиян, которая, возможно, даст ответ и на этот «проклятый вопрос». И это - вызов, но не власти, а всем российским интеллектуалам. Ответственность которых за будущее страны не меньшая. Если - не большая.

Л.В.Поляков
Доктор философских наук
Зав. кафедрой общей политологии ГУ-ВШЭ